

Михайлова Маргарита Сергеевна

ПРИЕМЫ ТАБУИЗАЦИИ ИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена анализу приемов тактичного и нетактичного именованя лица в английском языке, описанию признаков их социальной маркированности и особенностей их восприятия в англоязычной публичной коммуникации. Объяснена связь понятий "толерантность", "политкорректность" и "табу". Обосновывается необходимость владения тактиками толерантного поведения. Одной из подобных тактик являются приемы табуирования именованя лица по таким категориям как социальный статус, профессия, национальность/раса, физические и умственные характеристики, пол и возраст.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 135-139. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

10. Фрейдберг О. М. Образ и понятие // Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. С. 173-605.
11. Шестаков В. История английского искусства от средних веков до наших дней. М.: Галарт, 2010. 478 с.
12. Heffernan J. Museum of Words. The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery. Chicago: University of Chicago Press, 2004. 249 p.
13. Koelb J. The Poetics of Description: Imagined Places in European Literature. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006. 232 p.
14. Mitchel T. Picture Theory. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 445 p.
15. Putnam M. Virgil's Epic Designs Ekphrasis in the "Aeneid". New Haven: Yale University, 1998. 257 p.
16. Webb R. Ekphrasis: Imagination and Persuasion in Ancient Rhetorical Theory and Practice. London: Ashgate, 2009. 238 p.
17. Wilde O. The Complete Letters of Oscar Wilde / ed. by M. Holland. London: Henry Holt and Company, 2000. 1270 p.
18. Wilde O. The Decay of Lying // The Complete Writings of Oscar Wilde. N. Y.: Nottingham Society, 1909. Vol. 7. P. 3-57.
19. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. London: Collins Classics, 2010. 252 p.
20. Wilde O. The Portrait of Mr. W. H. // Lord Arthur Savile's Crime and Other Prose Pieces. London: Methuen, 1908. P. 147-199.

**FEATURES OF EKPHRASIS IN LITERATURE AT THE TURN OF THE XIXTH –XXTH CENTURIES
(BY THE MATERIAL OF NOVEL "PORTRAIT OF MR. W. H." BY O. WILDE)**

Meshcheryakova Anna Vladimirovna

Vladimir State University

knigojor7@yandex.ru

The author discusses the topical for modern literary criticism problem of ekphrasis, determines three specific features that distinguish the ekphrasis from the description as such (self-reflexivity, attributive character, visual figuration), and since all these features were formed in the second half of the XIXth century, comes to the conclusion that in this particular historical period the descriptions of artwork gained independence and became a special kind of description.

Key words and phrases: ekphrasis; self-reflexivity; attributive character; visual figuration; aestheticism.

УДК 811.111'271

Филологические науки

Статья посвящена анализу приемов тактичного и нетактичного именованя лица в английском языке, описанию признаков их социальной маркированности и особенностей их восприятия в англоязычной публичной коммуникации. Объяснена связь понятий «толерантность», «политкорректность» и «табу». Обосновывается необходимость владения тактиками толерантного поведения. Одной из подобных тактик являются приемы табуирования именованя лица по таким категориям как социальный статус, профессия, национальность/раса, физические и умственные характеристики, пол и возраст.

Ключевые слова и фразы: именованя лица; межкультурная коммуникация; английский язык; мультикультурное общество; табу; толерантность; политкорректность; языковой такт.

Михайлова Маргарита Сергеевна

Волгоградский государственный университет

dangerous604@gmail.com

ПРИЕМЫ ТАБУИЗАЦИИ ИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ[©]

Изучение языковых процессов, сопровождающих общение в контексте мультикультурности и мультиэтничности, представляется необходимым, поскольку отражает глубинные изменения ценностного и нормативного характера на ментальном уровне. Интересным в этой связи представляется вопрос о значимости тактической составляющей коммуникативной компетенции, в частности, о владении тактиками толерантного поведения, которые проявляются в речевых практиках, не нарушающих табу, наложенных обществом на тематику разговора и приемы нетактичного/бестактного именованя лица в публичной коммуникации. В данной статье приводятся результаты анализа приемов тактичного/нетактичного именованя лиц в англоязычной публичной коммуникации в условиях мультикультурности, выявлению специфики социальной маркированности их значения и изучению особенностей их функционирования. Актуальность изучения указанной проблемы объясняется наличием работ, в которых рассматривается суть явлений табуизации и эвфемизации (Б. А. Ларин, А. А. Реформатский, Л. П. Крысин, М. Л. Ковшова, В. П. Москвин и др.), изучается вопрос о смысловой точности понятий «толерантность», «политкорректность», «языковой такт», «расизм», «этнофобия» и т.п. (см. работы Т. Г. Грушевицкой, С. Г. Ильинской, В. В. Красных, О. А. Леонтович, А. П. Садохина, С. Г. Тер-Минасовой, Н. Л. Шамне и др.), проводится регистрация и лексикографическая систематизация слов, нарушающих табу на употребление обидных и оскорбительных слов (Л. П. Крысин, О. А. Могилевская, Д. С. Обукаускайте, А. Д. Палкин, Е. В. Шляхтина и др.), но также и отсутствием системных наблюдений за языковыми приемами

преодоления социально-маркированных запретов на употребление некорректных слов и выражений в речевой практике. Для решения поставленной задачи словарный анализ лексики, нетактично (оскорбительно) именуемой *лицо*, был дополнен наблюдениями за частотными приемами тактичного именованья лица в различных электронных информационных источниках (см. список литературы). Некоторые выводы о типологии приемов тактичного и нетактичного именованья лица представлены в статье.

Современные социальные объединения людей, проживающие на единой территории, отличаются мультиэтнокультурностью, что связано, в первую очередь, с новыми социально-экономическими условиями существования людей в государстве постиндустриальной эпохи. Как отмечают социологи и лингвокультурологи, в период, когда географические признаки национальных границ утрачивают значимость, и активизируются процессы глобальных социально-экономических и культурных трансформаций, формируются территории, на которых совместно проживают смешанные социальные группы, состоящие из представителей разных этнических и культурных сообществ, но владеющие единым языком [8]. В подобной ситуации для поддержания гармонии межличностных отношений доминирующей мировоззренческой идеей становится толерантность ('терпимое, снисходительное отношение к кому-либо / чему-либо' [4]), что требует адаптации культурной компетенции и проявляется в коммуникативных тактиках терпимости и тактичности, нормирующих общение в условиях мультикультурности.

Культурная компетенция, как известно, предполагает умение распознавать ценностные установки, признаки психологической и социальной идентичности, характерные для отдельной культуры [3, с. 54]. В мультикультурном сообществе данный феномен усложняется, поскольку интегрирует знания о признаках социальной и этнической идентичности представителей различных культур, необходимые для гармоничного существования в этом сообществе каждой группы и отдельной личности. При таких обстоятельствах культурная компетенция соотносима со способностью индивида минимизировать «культурный диссонанс» [Там же] и осуществлять адекватную коммуникацию, признавая «инаковость» собеседника и корректируя, адаптируя [6, с. 140] свое поведение. Соглашаясь с мнением исследователей, подчеркнем, что межкультурная компетенция в таких условиях отражает способность воспринимать реальность через призму ценностной системы своей культуры, но с учетом права иной культуры на существование. На практическом уровне это проявляется в стремлении к преодолению стереотипных представлений и предрассудков о других, табуизации неуместной тематики общения, адаптации своего поведения, а в случае необходимости овладения «иным» национально-культурным скриптом поведения.

Наблюдения за речевыми практиками публичной коммуникации в новых мультикультурных условиях свидетельствуют о том, что указанные выше идеи о коррекции норм общения в сторону толерантности и терпимости проявляются в приемах табуирования именованья лица, что находит фиксацию в языке. В частности, английский язык был первым,отреагировавшим на новые социальные условия мультикультурности и сформировавшим тактики корректного уклонения от нетактичного именованья лица. Прежде чем перейти к семантическому анализу приемов адаптации лексической системы к нормам корректности и их проявлению в речевой практике, уточним содержание понятий «толерантность», «политкорректность» и их связь с представлением о табу.

Под толерантностью в данном исследовании понимается морально-этическое основание, нормирующее социальные нормы межличностных отношений в условиях мультикультурности и мультиэтничности, которые зафиксированы в дипломатических и юридических документах (конституциях, декларациях о правах человека, кодексах поведения и т.п.) и проявляются в коммуникативных практиках тактичности, способствуя смягчению или устранению приемов выражения негативного отношения отдельной социальной группы при столкновении с проявлениями инаковости, чуждости [1]. На внедрение ценности толерантности в речевое поведение существенное влияние оказывают социальные, морально-этические запреты, табуирующие некоторые формы межличностного общения. В лингвистической литературе табу рассматривается с точки зрения таксономии запретных для обсуждения тем в рамках определенной культуры [2], а также в аспекте изменения табуированности норм применительно к разным видам культуры в современном глобализирующемся пространстве [9]. Так, запрет на употребление в речи слов, маркированных указанием на отнесенность к отдельной социальной и/или этнической группе или выражающих негативно-уничжительную оценку, активизировал в языке процессы поиска иных способов именованья лица, напр., корректного перефразирования, эвфемизации, способных снизить или нивелировать социальную и эмоциональную оценочность. Явление языковой корректности в теории коммуникации традиционно называют *политической корректностью*. Размышляя о значимости данного явления в американском обществе, исследователи отмечают, что «стремление не обидеть, не задеть чувства человека, сохранить его достоинство, хорошее настроение, здоровье, жизнь» [7, с. 215] следует оценить как позитивное. Оно проявляется в группе языковых единиц, значение которых снимает негативное отношение к человеку или его поступкам, нивелирует индексы социальной маркированности по признакам принадлежности к отдельным социальным группам. Как отмечается в работах С. Г. Тер-Минасовой, «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [Там же, с. 115]. Заметим, что в работах этого ученого содержится и критика выбора термина «политическая корректность», которую мы поддерживаем. С. Г. Тер-Минасова полагает, что определение *политическая* подчеркивает неискренность мотива выбора слов и отрицает искреннее стремление поддержать общественный запрет на бестактность в общении, в этой связи предлагается ввести термин «языковой такт» [19, р. 120-122]. Нам представляется, что именно этот термин в большей степени отражает суть лингвистического явления, связанного с выработкой приемов корректного именованья лица в условиях мультиэтнокультурной коммуникации.

На данный момент в работах исследователей (В. В. Панин, Е. В. Шляхтина и др.) приводятся парные списки слов, в которых один компонент маркирован прагма-семантическим признаком сниженной (вульгарной, оскорбительной и пр.) оценки или указанием на принадлежность к расе, национальности, полу, возрасту, профессии или подчеркивающему физические или иные недостатки человека, а второй представляет перифразу, смягчающую или убирающую прямолинейные именованья, заменяющие их на образные и более деликатные описания. Под давлением социального запрета и стремления к демонстрации толерантности носители английского языка активно создают новые слова и словосочетания, в корректной форме перефразирующие указание на признак социальной маркированности. В основе приема перефразирования лежит смысловая замена понятийного признака, конкретно указывающего на принадлежность к расе, национальности, полу, возрасту, профессии или подчеркивающего физические или иные недостатки человека, на более размытый, как, напр., антисексистские варианты *person, people, attendant*, нейтрализующие признак гендерности, свойственный лексемам, именуемым лицом по профессионально-статусному признаку (*businessman, salesman, chairman, barman* и т.п.). Встречаются случаи использования слов, указывающих на деятельность лица, напр., *cameraman – camera operator (кинооператор), postman – mail carrier (почтальон), steward/stewardess – flight attendant (стюард/стюардесса – бортпроводник)* и т.п. Слова и словосочетания, указывающие на лиц из групп социально ущемленных людей, заменяются на менее обидные (*retarded children – children with learning difficulties (умственно отсталые дети – дети, испытывающие сложности при обучении); pensioners, old/aged people – senior citizens (пенсионеры, старые люди – старшее поколение); poor – disadvantaged или economically disadvantaged (бедные – с ограниченными (экономическими) возможностями); unemployed – unwaged (безработные – не получающие заработную плату)* и т.п.) [7, с. 172].

В современном англоязычном общении наблюдается тенденция к расширению сфер демонстрации языкового такта, и сегодня создаются тактичные перифразы с целью избежать антропоцентризма, подчеркнуть биологическое равноправие существования на нашей планете людей, животных и растений, так, словосочетание *pet owner (владелец домашнего животного)* рекомендуется заменить на *animal companions (спутник домашнего животного), pet guardians (опекун домашнего животного), house plants (домашнее растение) на botanical companions (зеленый спутник)*.

Стремление к толерантности и усвоению коммуникативной практики тактичности формируется у граждан США с юных лет, но порой это приводит к курьезам и фобии политкорректности, вызывая критику со стороны интеллектуалов [10; 11; 18]. Так, в США с начала 21-го века обсуждается идея цензуры текстов школьных учебников и литературы для детей с целью удаления некорректных выражений, и даже был создан комитет, усилиями которого был составлен список из 500 неполиткорректных выражений, которые следует убрать из школьных учебников, что вызвало серьезные протесты образованной общественности. В 2003 г. была опубликована книга «Полиция языка» Дианы Равич [18], профессора из университета г. Нью-Йорка, эксперта в области образования, в которой указанный автор размышляет о соотношении либеральных ценностей общества с проявлениями политкорректности, анализирует проблему цензуры в сфере образования и приходит к неутешительным выводам по поводу излишнего увлечения идеями политкорректности. Кроме того, Диана Равич приводит список из 500 слов и выражений, подлежащих коррекции (*A Glossary of Banned Words, Usages, Stereotypes and Topics*), дает свои комментарии. Изучение данного списка показало, что наиболее частотными являются именованья лица по следующим категориям:

1. Социальный статус (*economically disadvantaged, freshman, unmarried* и т.д.).

В данную группу входят слова, именующие лицо по признаку его благосостояния/достатка, семейного положения, статуса в коллективе и пр. Именованье *economically disadvantaged* может оскорбить бедных, указав напрямую на их незавидное положение, тем самым, невыгодно и неприятно выделив среди прочих людей; слово *freshman* можно считать сексистским именованьем, поэтому его рекомендуют заменить на нейтральное *first-year student*, которое можно употребить в отношении обоих полов; *unmarried* может показаться обидным и нетактичным для тех, кто не нашел свою пару.

2. Профессия (*cleaning lady, clergyman/clergywoman, housewife, white collar* и т.д.). В эту категорию попали слова, именующие лицо по сфере его деятельности, роду занятий, однако при этом в большинстве из них заложено сексистское значение, являющееся табуизированным в политкорректном обществе, рекомендуется использовать гендерно нейтральные именованья или заменять морфемные полусуффиксы, указывающие на пол – *man/woman* на нейтральные с нулевым гендерным маркером *person, member* и пр.

3. Национальность/раса (*colored, Indian, Native, Oriental* и т.д.). Указание на национальности или расы находится под запретом, так как может быть воспринято как отнесение лиц к меньшинству, что ущемляет их права, заставляет чувствовать себя «отличающимися», «другими».

4. Физические характеристики (*confined to a wheelchair, crippled children, fat, invalid, wheelchair user* и т.д.). По мнению защитников политкорректности, следует избегать подобных прямых именованний, указывающих на недостаток физического характера, а заменять их нейтральными, описательными именованьями, например, *person who is mobility impaired*, чтобы не привлекать внимание, не причинить боль, не задеть, не ущемить людей, которые обладают подобными недостатками.

5. Умственные характеристики (*insane, maniac, mentally ill, mentally retarded* и т.д.). Считается недопустимым при именовании лица указывать на ментальные проблемы, объяснения табуированности совпадают с группой именованний лиц по физическим характеристикам.

6. Пол (*ladies, sportsman/sportswoman* и т.д.). В данной категории слов, как и в случае со многими профессиями, также наблюдается стремление уйти от любого указания на пол, чтобы показать равенство обоих полов в любой сфере, напр., в спорте – честность соревнований и независимость оценки.

7. Возраст (*elderly* и т.д.). Сторонники политкорректности считают, что упоминание возраста, прямое указание на то, что человек относится к старшему поколению, может обидеть, оскорбить его, поэтому является нежелательным.

Анализ приемов тактичного именованя лица в современной коммуникативной практике показал, что стремление англоязычного социума нивелировать негативное, уберечь себя и окружающих от неприятных ощущений и обид, наносимых словами, не всегда приводит к желаемым результатам. Нам представляются не вполне удачными попытки смягчить социальные маркеры, указывающие на физические и иные недостатки людей, с помощью создания более корректных перефразирований: напр., *short people – vertically challenged people, fat people – horizontally challenged people*; все, приводимые далее словосочетания к слову *invalid* по-прежнему указывают на отличие человека по признаку здоровья: *handicapped/disabled/differently abled/physically challenged person*. Мало меняется прагматика именованя иностранца 'незнакомцем, нездешним, приезжим' (*foreigner – alien – newcomer*), а человека, роющегося в помойках, 'собирателем вещей, от которых отказались' (*bin man – refuse collector*) [15, p. 192]. Странно выглядит рекомендация избегать использования в публичной коммуникации слова *handicap*, поскольку это может обидеть людей, просящих милостыню (*aside from the 'disabled' reference, it can be offensive to beggars with a 'cap in hand'* [Ibidem, p. 194] / *помимо отношения к «инвалидам» это может быть оскорбительно и для тех, кто просит милостыню*), а вместо *normal person* употреблять выражение '*non-disabled person*' в присутствии людей с ограниченными возможностями.

Первое десятилетие толерантности привело к появлению курьезных случаев, свидетельствующих о признаках «фобии политкорректности», что проявляется в появлении новых табу на использование вполне привычных и стилистически нейтральных слов и выражений. Результаты мониторинга речевых практик, отражающих предвзятое отношение к людям, за 2012 г. [13] свидетельствуют о том, что такие фразы создают лишь новые предубеждения. Так, в список nereкомендуемых к употреблению вошли: *Global English (the dominance of the English language worldwide is opposed by those who think it the result of linguistic imperialism or Western hegemony); Speech Codes (limiting free-speech by declaring what is considered offensive off-limits* [Ibidem] / *глобальный английский (доминирование английского языка во всем мире вызывает протест тех, кто считает это результатом лингвистического империализма и гегемонии Запада); языковые коды (ограничение свободы слова, объявляя запрещенное оскорбительным)*), а также имя Колумба, с которым некоторые связывают негативные последствия открытия Америки в 16-ом в. – т.н. «этнические чистки» (*offensive to those who believe it was the beginning of a 16th c. 'Ethnic Cleansing' of American Indians / обидное для тех, кто полагает, что начало 16 века было «этнической чисткой американских индейцев»*).

В заключение настоящего исследования представляется возможным сделать вывод о том, что идеология толерантности как предписание, нормирующее коммуникацию по признаку снятия указания на маркеры отнесенности человека к различным группам по признаку национальности/расы, пола, возраста, социального статуса, профессии, физического и умственного состояния и т.п., отражается в наборе приемов перефразирования и эвфемизации, используемых для табуизации именованя лица по перечисленным категориям. Однако излишнее стремление к языковому такту и корректности может получить негативную оценку. Анализ ценностной градации приемов тактичного именованя лица представляется необходимой перспективой продолжения данного исследования.

Список литературы

1. Богатырева С. Н. К вопросу о происхождении и содержании концепта «толерантность» // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2. Ч. 1. С. 49-52.
2. Газизов Р. А. Коммуникативные табу в немецкой лингвокультуре // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 8 (223). Филология и искусствоведение. Вып. 51. С. 37-40.
3. Леонтович О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград: Перемена, 2003. 399 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
5. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
6. Соколова М. С. Адаптация к собеседнику в процессе межличностной коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 173 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 262 с.
8. Толерантность и культура межнационального общения: учеб.-метод. пособие для студ. вузов / ред. Е. А. Журавлева, В. В. Шалин. Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. 308 с.
9. Тульнова М. А. Табу в контексте глобализации // Политическая лингвистика. № 4 (34). 2010. С. 176-181.
10. Убираева Я. Г. Политкорректность как политический миф // Без темы. 2009. № 1 (11). С. 104-110.
11. Шестернина Е. Политкорректность на грани абсурда [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/277418> (дата обращения: 28.04.2013).
12. DELTA [Электронный ресурс]. URL: <http://www.delta.com/> (дата обращения: 10.04.2013).
13. Global Language Monitor [Электронный ресурс]. URL: <http://www.languagemonitor.com> (дата обращения: 10.04.2013).
14. Holder R. W. A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2007. 506 p.

15. James P. D. Shroud for a Nightingale. London, 1989. 370 p.
16. Jet Airways [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jetairways.com/> (дата обращения: 10.04.2013).
17. Neaman J. S., Silver C. G. Kind Words: a Thesaurus of Euphemisms / Expanded and Revised Edition. N. Y.: Facts on File, 1990. 373 p.
18. Ravitch D. The Language Police: How Pressure Groups Restrict What Students Learn. N. Y.: Random House, 2003. 271 p.
19. Ter-Minasova S. Language, Linguistics and Life (A View from Russia). Moscow, 1996. 176 p.
20. United Airlines [Электронный ресурс]. URL: <http://www.united.com/homepage> (дата обращения: 10.04.2013).

TECHNIQUES OF PERSON'S NAMING TABOOIZATION IN MULTICULTURAL COMMUNICATION

Mikhailova Margarita Sergeevna

Volgograd State University

dangerous604@gmail.com

The author analyzes the techniques of tactful and tactless person's naming in the English language, describes the characteristics of their social markedness and the features of their perception in the English-language public communication, explains the connection between the notions "tolerance", "political correctness" and "taboo", substantiates the necessity to acquire tolerant behaviour tactics, and tells that these tactics include the techniques of person's naming tabooization by such categories as social status, profession, ethnic nationality/race, physical and mental characteristics, sex and age.

Key words and phrases: person's naming; intercultural communication; English language; multicultural society; taboo; tolerance; political correctness; language tact.

УДК 821.161.1.09

Филологические науки

Статья раскрывает особенности переводческой рецепции поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» в Германии на уровне осмысления жанрового своеобразия всего произведения и вставной новеллы «Повесть о капитане Копейкине». Представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа двенадцати репрезентативных немецких переводов поэмы конца XIX-XX вв., позволяющие выявить наиболее адекватные переводческие версии с точки зрения художественно-эстетического воздействия. Анализ проводится с позиций соотношения «варианта» и «инварианта» произведения, рассматриваемых в контексте диалога культур.

Ключевые слова и фразы: жанр; поэма; перевод; переводческая рецепция; вставной текст.

Никанорова Юлия Владимировна, к. филол. н.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

yulya_nikanorova@mail.ru

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОРИГИНАЛА В НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» КОНЦА XIX-XX ВВ. ©

Ощущение жанровой оригинальности поэмы «Мертвые души» точно отражено в известных словах Л. Н. Толстого: «Я думаю, что каждый большой художник должен создавать и свои формы <...>. Возьмем «Мертвые души» Гоголя. Что это? Ни роман, ни повесть. Нечто совершенно оригинальное» [Цит. по: 3, с. 116].

Сам Гоголь в письме к М. П. Погодину от 28 ноября 1836 г. писал о своем замысле: «Вещь, над которой сижу и тружусь теперь <...> не похожа ни на повесть, ни на роман <...>. Если Бог поможет выполнить мне мою поэму так, как должно, то это будет первое мое порядочное творение» [6, с. 367].

Рассматривая историю переводческой рецепции «Мертвых душ» в Германии на протяжении XIX-XX вв. на примере двенадцати репрезентативных переводов, ставших в наибольшей степени фактами немецкой культуры и определенным этапом в истории русско-немецких литературных связей¹, следует в первую очередь обозначить проблему передачи жанра. Его своеобразие нередко оказывалось камнем преткновения, судя по тому, что почти в половине из немецких переводов жанр произведения не обозначен вовсе (ср. переводы А. Элиасберга, Е. Райма, В. и Е. Вонсяцких, З. фон Радеcki, М. Пфайффера).

В сложившейся типичной ситуации перевода, когда слово оригинала («поэма»), казалось бы, предполагает выбор очевидного эквивалента («Роман»), мы наблюдаем любопытный случай множественного перевода. Лишь в трех из известных нам немецких вариантов «Мертвых душ», а именно у Ф. Лёбенштейна, В. Казака и К. Хольма, жанр обозначен так, как он есть у Гоголя, т.е. «поэма».

© Никанорова Ю. В., 2013

¹ Ph. Löbenstein (1846); O. Buek (1921); H. Röhl (1920); A. Eliasberg (1922); F. Xaver Schaffgotsch (1925); S. von Radecki (1938); E. Reim (1948); F. Ottow (1949); E. und W. Wonsiatsky (1951); K. Holm (1954); M. Pfeiffer (1965); W. Kasack (1988).